

ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИКИ

О. А. Косинова

ИЗУЧЕНИЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ХАРБИНА И КВЖД

УДК 371.3

ББК 74.202.4

Изучение китайского языка и культуры рассматриваются как целенаправленное и поэтапное налаживание межкультурной коммуникации с народами Китая средствами системы образования российского зарубежья в Харбине и по линии КВЖД.

Ключевые слова: российское зарубежье; система образования; китайский язык и культура; межкультурная коммуникация.

O. A. Kosinova

THE STUDY OF CHINESE LANGUAGE AND CULTURE IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN HARBIN AND AT THE KVZHD AT THE END OF XIX - FIRST THIRD XX CENTURIES.

The study of Chinese language and culture are seen as purposeful and gradual establishment of intercultural communication with the Chinese people by means of the system of education of the Russian abroad in Harbin and the Chinese Eastern railway.

Keywords: Russian emigration; education; Chinese language and culture; intercultural communication.

Значительное увеличение количества документов, отличающее отечественную историю педагогики последнего времени, актуализирует источниковедческую проблематику, связанную

с поиском, отбором, анализом и другими процедурами, обеспечивающими ведение новых текстов в научный оборот в качестве историко-педагогических источников. Сохранившиеся

документы о деятельности российского зарубежья на территории Китая позволяют сделать вывод о том, что образовательная деятельность наших соотечественников была одним из направлений систематической работы, имела научно-теоретические и практические результаты. Наиболее крупным достижением в данной области была система образования российского зарубежья, созданная в Харбине и по линии Китайской Восточной железной дороги (далее — КВЖД) на рубеже XIX—XX вв. Анализ архивных документов по дальневосточному региону показывает, что бо́льшая их часть касается данного центра. Исследование других центров пребывания российских беженцев в Китае (Пекин, Тяньцзинь, Шанхай) выявило единство их культурно-образовательной деятельности.

Трактовки фактора инокультурного окружения при характеристике отдельных центров российской диаспоры различны. Так, действие данного фактора в отношении российского зарубежья на территории Китая оценивается в диапазоне: от признания вынужденного («случайного») характера межнациональных контактов для большинства наших соотечественников, кроме профессиональных востоковедов-дальневосточников, до обоснования факта существования области этнокультурного (междивилизационного) взаимодействия двух народов в различных сферах деятельности. Таким образом, в историографии, с одной стороны, обоснован факт наличия межкультурных контактов как объективно существовавшей ха-

рактеристики российского зарубежья, с другой стороны, обозначена проблема выявления региональной специфики контактов между выходцами из России и населением стран пребывания в сфере образования, а также влияния данного процесса на педагогическую мысль.

Знакомство с биографическими данными реэмигрантов из Китая, опубликованными в газете «На сопках Маньчжурии», журнале «Русская Атлантида», сборнике «Русские в Китае», показало интересную закономерность: почти в каждой заметке (биографии, автобиографии, поздравлении, некрологе) упоминается владение выпускниками учебных заведений российского зарубежья китайским языком. Обращает на себя внимание факт профессионального использования этого умения для преподавания в учебных заведениях или частных уроков в СССР даже теми, кто не предназначал себя к занятию востоковедением.

Многочисленные исследования свидетельствуют, что процесс институционального оформления сферы образования российского зарубежья на территории Китая и процесс взаимодействия с населением этих стран были когерентны. Содержательное раскрытие уникальности культурно-образовательного пространства Харбина и полосы отчуждения КВЖД сопряжено с изучением роли русского языка, в том числе, его функции средства межнационального общения представителей российского зарубежья и китайцев. Исследования языковой среды русскоговорящей диаспоры в

Северной Маньчжурии и в других центрах их проживания на территории Китая первой половины XX века показали, что как определенный результат образовательной деятельности наших соотечественников «...в 30-е годы в Харбине появилось довольно много хорошо образованных китайцев, окончивших русские высшие учебные заведения и свободно владеющих русским языком» [5. С. 80].

Эта практика сложилась задолго до эмиграции и была детерминирована рядом причин. Во-первых, соседство двух государств диктовало социально-политическую обусловленность их контактов. Политика продвижения Российской империи на Дальний Восток в сфере образования трансформировалась в задачу подготовки кадров, знакомых с языками и культурой Китая и других стран названного региона. «Школы переводчиков», созданные как в России, так и в Китае на рубеже XIX—XX веков, способствовали отбору содержания востоковедческого образования, форм и методов преподавания, актуализировали проблему обеспеченности школ педагогическими кадрами, а также способствовали привлечению к организации данной деятельности российских представителей частного капитала. Последнее обстоятельство позволило расширить профессионально-педагогические задачи школ данного вида подготовкой переводчиков не только для государственной (в том числе, для военной) службы, но и для нужд предпринимательской деятельности в странах Дальнего Востока. «Школы переводчиков» характери-

зовала практическая направленность обучения, означавшая подготовку специалистов, способных к непосредственной и систематической коммуникации с населением дальневосточных стран, в том числе, к повседневному общению. Задача обучению практическому владению дальневосточными языками лежала также в основе организации Восточного института во Владивостоке в 1899 году.

Решение данной задачи в области общего образования имело свою специфику. Введение основ китайской грамоты в учебные планы школ делало их чрезмерно перегруженными, а значит, трудновыполнимыми. Это противоречие еще в начале XX века отмечалось известным монголоведом, директором и преподавателем Восточного института А. М. Позднеевым: «Изучение восточных языков является занятием совершенно специальным. Оно не может считаться дополнением или завершением какого-либо из предметов нашего общеобразовательного курса... Положение учеников восточных отделений гимназий и реальных училищ окажется фальшивым. Изучая восточные науки, они, в силу необходимости, подобно воспитанникам коммерческого отделения, должны быть освобождены от изучения некоторых основных предметов, а следовательно, не могут иметь доступа в высшие учебные заведения наряду со своими товарищами основного отделения» [4. ЛЛ. 56—56об.].

Источники свидетельствуют, «школы переводчиков», Восточный институт и гимназия при нем аккумулировали опыт подготовки дальне-

восточников-практиков; деятельностью преподавателей Института была создана необходимая научно-методическая база. Одновременно они показали педагогам системы общего образования, что изучение китайского языка предполагает освоение двух дисциплин — китайского разговорного языка и китайской письменности. Введение новых программ в учебные планы общеобразовательных учреждений чрезмерно перегружало курс обучения, актуализировало вопрос о согласовании учебных планов и программ средней и высшей школ в аспекте преемственности гуманитарного образования. Данный материал дошел до нас в нормативных документах органов власти и управления Российской империи; официальной переписке по линии ряда ведомств: министерства просвещения, министерства иностранных дел, министерства путей сообщения и др.; документах Восточного института; аналитических материалах и частной переписке ориенталистов-дальневосточников, педагогов высшей школы, деятелей образования.

Благодаря строительству КВЖД Харбин стал другим культурным центром России на Дальнем Востоке. В пределы культурно-образовательного пространства, создаваемого россиянами в полосе отчуждения, включилась новая социальная и культурная среда страны пребывания. Для удовлетворения нужд Дороги, а также других социально-культурных потребностей населения края была поставлена педагогическая задача подготовки профессиональных кадров, знающих разговорный китайский язык и знако-

мых с культурой этой страны. В связи с этим, изучение китайского языка в мужском коммерческом училище и торговой школе было обязательным. Директором обоих учебных заведений был начальник учебного отдела Правления КВЖД, преподаватель русской словесности и истории Н. В. Борзов. Несмотря на протесты родителей учащихся коммерческого училища ввиду значительной загруженности их детей учебной работой, он сохранил данный предмет в учебном плане.

К началу XX века стало очевидным намерение части интеллигенции Китая изучать русский язык и культуру. Представляется, что высший китайский класс русской словесности и юридических наук, открытый при училищах с 1911/1912 учебного года, сыграл стимулирующую роль в изучении китайского языка и культуры в харбинском мужском коммерческом училище. На выставке Приамурского края в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых (Хабаровск, 1913 г.) среди экспонатов были представлены письменные (в том числе, творческие) работы учащихся на китайском языке, а также работы учащихся китайского класса — на русском языке [2].

«Отчеты по Харбинским коммерческим училищам» отражают практику регулярных (по учебным годам) отчетов харбинских мужского и женского коммерческих училищ и являются ценнейшим документом, содержащем материалы о количестве учащихся, образовательные цензы, сроки обучения, учебные планы, учебные программы, сведения о преподавателях, содер-

жание и порядок организации летней практики, порядок итоговых испытаний. В отчетах имеются сведения, характеризующие взаимодействие руководства училищ с властями Китая по различным вопросам организации обучения. Данные документы свидетельствуют, что в практике обучения одного из образцовых учебных заведений Харбина с момента основания училищ в 1906 году был поставлен вопрос об изучении китайского разговорного языка, китайской письменности, а также истории и культуры Китая. Учебно-методическое и кадровое обеспечение реализации этой задачи позволило накопить опыт и открыть для детей служащих КВЖД китайской национальности названный класс с тем, чтобы они изучали русский язык, историю и культуру России. В отличие от деятельности «школ переводчиков», нацеленных на решение профессиональных задач конкретных ведомств, данный дидактический опыт трактовался, скорее, как формирование общепрофессиональных умений. Владение китайским языком постепенно становилось над-профессиональной компетенцией.

Одновременно стихийно, очевидно, отвечая на запросы части родителей, изучение основ китайского разговорного языка, а вместе с ним и культуры этой страны, началось в частных школах Харбина, например, в гимназии М. А. Оксаковской, а также в некоторых частных детских садах. Отсутствие педагогического анализа процесса и результатов обучения китайскому разговорному языку в немногочисленных документах этого

вида учебных заведений значительно затрудняет оценку и понимание целесообразности данного нововведения.

Постепенно изучение дальневосточной ориенталистики, включая китайский язык и культуру, стало предметом педагогического осмысления. К примеру, журнал «Просветительное дело в Азиатской России» публиковал серии статей об истории и современном состоянии системы образования и воспитания Китая. Доля этих статей составляет приблизительно 60 % от числа всех публикаций за период существования журнала с 1913 по 1917 годы. Авторы большинства статей — И. Г. Баранов, П. В. Шкуркин — были известными в крае востоковедами и преподавателями, членами Общества изучения Маньчжурского края, дальневосточного филиала Русского географического общества. Переводы китайских сказок, легенд, исторических рассказов нравоучительного характера, подготовленные ими, адресовались российским детям края и предлагались для домашнего чтения.

На страницах журнала обсуждались проблемы: школ востоковедческой специализации; краеведения как направления и задачи национально-патриотического воспитания; использования опыта инородческих школ. Педагоги искали теоретические основы ориентальной дальневосточной специализации в содержании начального и среднего общего образования, связывали ее с задачей развития мышления учащихся начальных и средних школ: «Одной из основных задач, которую ставят перед собой как

начальная школа, так и все преподающие русский язык, это — научить детей, прежде всего, грамматически правильно, логически стройно и, до известной степени, красиво выражать мысль устно и письменно. ... Ученика, прежде всего, нужно научить мыслить на конкретных образах и мысль самостоятельную, свою мысль, уметь воплощать в слова. ... К сожалению, для наших (дальневосточных) детей большинство его (автора альбома И. Н. Шапошников — К. О.) тем мало пригодны, так как взяты из области хорошо известной детям центральной России, природа которой и быт малодоступны пониманию наших детей. Обычный уклад русской деревенской жизни нашим детям не более известен, чем уклад жизни американских или французских крестьян. ... В дальнейшем, быть может, практика заставит учителя самому составить серии картин, наиболее удовлетворяющих запросам наших детей, а многих от картин на бумаге — перейти к картинам реальной жизни и по ней, на материале, облеченном в плоть и кровь окружающей жизни, строить программу для развития дара речи устной и письменной» [3. С. 816—817].

Тематика журнала и содержание статей показывают, что данные вопросы связывались педагогами и педологами края с концепцией родоневедения К. Д. Ушинского. В отечественной педагогике начала XX века начала обосновываться мысль о значительном воспитательном потенциале культур народов России, его универсальной, общенациональной значимости. Соединившись с опре-

деленным пониманием этнокультурной специфики Дальнего Востока и Маньчжурии, в частности, краеведческий подход стал наполняться конкретным учебным содержанием, имеющим не только образовательное, но и воспитательное значение.

Постепенно в учебных планах школ КВЖД стал оформляться краеведческий компонент, включающий в себя: маньчжуроведение, основы китайского разговорного языка, историю Китая, географию современного Китая. Доля этих предметов в содержании общего образования зависела от возраста обучаемых, образовательного уровня, кадрового обеспечения обучения. Получив психолого-педагогическое обоснование, краеведческое направление было также реализовано во внешкольной воспитательной работе с детскими и молодежными объединениями. Благодаря этой работе был разработан и опробован на практике дидактико-педагогический принцип обогащения содержания образования и воспитания местным ориентальным компонентом.

Разработка содержания данных предметов, их учебно-методического обеспечения, а также решение задачи соответствующей подготовки педагогов пришлось на годы эмиграции. При этом, в силу сложившихся обстоятельств, краеведческий компонент, сохраняя свою роль дополнения основного содержания образования, был преимущественно ориентирован на изучение языка и культуры Китая. Позиция ориенталистов в этом вопросе отнюдь не ограничивалась профессиональной самореализацией, а

подразумевала всесторонний исследовательский интерес, обеспеченный соединением задач научно-профессиональной и культурно-просветительской деятельности: «Итак, какую бы сторону китайской народной жизни мы не взяли, ни одна из них не дает достаточных оснований смотреть на эту нацию свысока... Ясно, что вопрос о том, что же мы можем ожидать от этого склада людей, является, быть может, кардинальным вопросом для самих наших жизненных интересов в ближайшем будущем» [6. С. 44].

В период эмиграции в высшей школе российского зарубежья постепенно развивалось ориентальное направление, готовящее профессиональные кадры для работы на Дальнем Востоке. Во многих вузах Харбина с момента их основания или позже были открыты отделения востоковедения. Например, на Харбинском Юридическом факультете была поставлена задача отражения региональной специфики в учебных планах и содержании дисциплин: «Осуществляя общий учебный план русских юридических факультетов до революции, Юридический факультет со следующего учебного года (1923/ 1924) стал в то же время постепенно проводить краеведческий уклон: он вводит чтение китайских государственной и гражданской отраслей права...» [1. С. 52].

Таким образом, содержание юридического образования российского зарубежья на территории Китая включало в себя два компонента: традиционный и ориентальный, часто называемый в документах краеведческим. Структура учебного содер-

жания повлияла на структуру самого вуза; с 1925 года на Юридическом факультете в составе экономического отдела открылся восточно-экономический подотдел со специализацией по Дальнему Востоку. В каждом томе периодического издания «Известия Юридического факультета» публиковались статьи по Китаеведению, преимущественно на тему государства и права Китая, а также о философии и культуре страны пребывания. Они составляют от 30 до 60 % от числа всех публикаций. Том 6 полностью посвящен научным публикациям по Китаеведению. Изменение содержания образования и структурное совершенствование позволили Юридическому факультету стать одним из центров подготовки востоковедческих кадров — специалистов по Китаю и Японии.

Аналогичные по сути процессы происходили и в других харбинских вузах и техникумах — Политехническом институте, Педагогическом институте, 1-й зубоветеринарной школе; Институт ориентальных и коммерческих наук был непосредственно нацелен на востоковедческую подготовку студентов. Материал по этому вопросу содержал, прежде всего, периодические издания вузов, учебные планы, программы дисциплин, научно-методические статьи, аннотации и рецензии на учебники и дидактические материалы, а также студенческие газеты.

Изучение китайского языка и культуры в системе образования российского зарубежья, помимо подготовки востоковедов-дальневосточников в учебных заведениях профессионального образования всех уровней,

выполняло в отношении учащихся начальных и средних учебных заведений общего образования две функции: ориентально-краеведческой подготовки и воспитания в духе уважения к языку и культуре китайского народа, основанных на понимании и непосредственной коммуникации с ним. Благодаря определенному учебному содержанию, налаженным формам организации обучения, применению новых для того времени методов обучения (например, так называемого «натурального» метода), стремление населения Харбина к изучению китайского языка и культуры и, наоборот, китайской молодежи — к изучению русского языка, стало возможным. Данный опыт закрепился в деятельности сис-

темы образования российской эмиграции на территории Китая, стал ее неотъемлемой чертой. Этот факт подтверждают документы о деятельности школ и вузов российского зарубежья в Харбине: протоколы заседаний Комитета образовательных учреждений, учебные планы и программы, отчеты, научные и научно-популярные статьи педагогов, периодические издания (включая студенческие газеты), воспоминания бывших учащихся, студентов и педагогов, а также материалы о деятельности Общества изучения Маньчжурского края, имевшего в своей структуре секцию краеведения и активно работавшего с детьми и молодежью российской эмиграции в 1920-е годы.

Список литературы

1. Автономов, Н. П. Юридический факультет / Н. П. Автономов // Русский Харбин / [сост., предисл. и коммент. Е. П. Таскиной]. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Изд-во МГУ : Наука, 2005. — 352 с. : ил.

2. Каталог экспонатов Правления общества и управления Кит. Вост. жел. д. на Выставке Приамурского края в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых в 1913 году в гор. Хабаровске. — Харб., тип. Кит. Вост. жел. дор., 1913. 124, [1] стр., 1 табл.

3. Краткая рецензия Д. А. Дьякова на издание Шапошников И. Н. «Картинки для ведения сочинений в начальной и средней школе». В 2 вып. по 6 карт в кажд. Изд. Думнова. — М., 1915 // Просветительское дело в Азиатской России. 1914—1915, Кн. VII. — С. 814—817.

4. Позднеев, А. М. К вопросу об организации изучения Востока в русских учебных заведениях. 02.10.1904 г. / А. М. Позднеев // РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Д. 172. Департамент народного просвещения. Дело II разряда ученых учреждений высших учебных заведений ДНП об изучении Востока в русских учебных заведениях. ЛЛ. 49—59.

5. Райан, Н. В. Уникальное положение русской диаспоры Маньчжурии в первой половине XX века / Н. В. Райан // Русский язык за рубежом. — 2002. — № 2. — С. 77—82.

6. Шкуркин, П. В. Китай и дальневосточные перспективы / П. В. Шкуркин // Русское обозрение. Журнал. — 1921. — № 1—2 (январь-февраль).